

Результатом того, что он переел сгущенки, стало то, что ночью Сюй Имин был невероятно возбужден. Он долго обнимал Цзян Юя, толкаясь и притираясь к нему, а потом самовольно стянул с Цзян Юя испачканную пижаму, надел на него свою собственную, а когда ему снова захотелось ласки, встал и ушел в студию рисовать.

Несмотря на такую возню, Цзян Юй даже не проснулся, его сонные веки буквально слипались.

Проснувшись утром, он протянул руку на ощупь, а затем на мгновение замер — подобное движение уже незаметно вошло у него в привычку.

Цзян Юй опустил взгляд на пижаму, скривил губы, подворачивая широкие рукава, нашарил телефон, чтобы полистать новости. Дверь толкнули, вошедший мужчина принес с собой легкую тень усталости в чертах лица и, не говоря ни слова, навалился сверху, замирая.

В нос ударил запах краски, смешанный с легким табачным ароматом. Цзян Юй ухватил его за волосы:

— Иди в душ.

Сюй Имин не шевельнулся, издав невнятный звук. Его подбородок, покрытый щетиной, терся о шею Цзян Юя.

— Пойдешь или нет? — Цзян Юй пнул его.

Сюй Имин, массируя виски, поднялся и поплелся в ванную. Вернувшись, он даже не высушил толком волосы и снова рухнул на Цзян Юя.

— Я не поеду к Му Чэню праздновать Новый год. — Цзян Юй отбросил со лба мужчины влажные пряди. После того приема у Му Чэнь больше не давал о себе знать, слишком уж тяжелым оказалось клеймо гомосексуалиста.

— Домой поедешь?

Сюй Имин чуть нахмурился:

— Нет.

— Тогда свари мне чайные яйца, приготовь куриный суп, и еще я хочу мучного. — Тон Цзян Юя не допускал возражений; отцовские обычаи, пожалуй, были единственным, что сохранилось у него до сих пор.

Забравшись под одеяло, Сюй Имин обнял Цзян Юя за талию:

— Не умею.

— Хочешь в кулинарии покупай, хочешь сам готовь, но утром первого числа я буду это есть. — Его голос стал еще тверже.

Наверное, никто и никогда не смел разговаривать с ним в таком тоне. Сюй Имин поднял взгляд, на секунду в нем мелькнуло раздражение, но тут же угасло, сменившись лишь обреченностью:

— Тогда оформлю доставку.

Цзян Юй уставился в потолок, а затем перевел взгляд на мужчину рядом.

Сюй Имин был лицемером: даже в момент, предшествующий пику наслаждения, на его лице застывало бесстрастное выражение, создававшее иллюзию оторванности разума от плотских желаний.

Пожалуй, лишь после крепкого сна на его лице на мгновение проступало что-то настоящее.

Поэтому чаще всего Цзян Юй занимался тем, что наблюдал за его спящим лицом, пытаясь по малейшим привычкам и микромимике разгадать его характер, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что сходит с ума.

Шлепнув мужчину по щеке, Цзян Юй внезапно спросил:

— Насколько ты мне доверяешь?

Сон прервали, и межбровье Сюй Имина нахмурилось еще сильнее, а на лице отчетливо проступил гнев.

Цзян Юй перевернулся, взял лежавший у подушки кошелек, вытащил банковскую карту и протянул ему:

— Здесь все мои сбережения.

Подразумевалось: давай-ка я увижу твою искренность.

Приоткрыв веки, Сюй Имин смотрел на него несколько секунд, словно не понимая, что в романтических отношениях требуется нечто подобное. Под слегка оценивающим взглядом Цзян Юя он встал, подошел к противоположному шкафу и вернулся со сберегательной книжкой в руках.

Цзян Юй бросил беглый взгляд на цифры — нулей в конце он даже не стал пересчитывать, в

любом случае их было немало.

Сюй Имин стоял у кровати, его взгляд слегка потемнел. Паренек лишь небрежно глянул на книжку и отвел глаза, даже не взяв ее в руки — никакого интереса, не говоря уже о тех шоке и восторге, которых он ожидал.

Неужели сумма показалась слишком маленькой?

Столь внушительная цифра не привлекла ровно никакого внимания. Сюй Имин со смыслом поджал губы: если это была игра, то сыграно донельзя искусно.

Цзян Юй ждал-ждал, но в голове так и не прозвучало оповещение о завершении основного задания. Прищурившись, он уставился на Сюй Имина. Заметив, что от мужчины исходит какая-то странная аура, он приподнял бровь:

— А ты богат.

Выражение твоего лица и изгиб губ говорят вовсе не об этом. Сюй Имин дернул уголком рта, отвечая на реплику и давая понять, что настроение у него отвратительное.

— Будем еще спать? — Было еще не до семи. Цзян Юй съежился под одеялом и, видя, что тот не двигается, высунул ногу из-под одеяла и потерся пальцами о его ширинку.

Сюй Имин швырнул сберегательную книжку куда подальше и мгновенно нырнул под одеяло.

Следующие несколько дней Цзян Юй и Сюй Имин упивались беспамятством в книжном магазине, пока Цзян Юй не услышал голос системы: «Поздравляем с завершением побочного задания: книжный магазин — 5 раз». Его прошиб мелкий озноб, тело судорожно сжалось, и они с Сюй Имином кончили одновременно.

В канун Нового года позвонил Му Чэнь. Как и прежде, Цзян Юй отказал ему, заявив, что пока он рядом, никому не удастся нормально встретить праздник. Услышав это, Му Чэнь ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул.

Куриный суп и чайные яйца Сюй Имин заказал в ресторане. Мучного в городе М не водилось, поэтому, поиграв в интернете, он специально сел за руль и съездил за ним в другой район.

Раньше он всегда встречал Новый год в одиночестве, наскоро забивая желудок чем попало и отправляясь в студию. В этом году непривычное чувство заставило его долго бродить по улицам — он и сам толком не знал, что именно ему нужно купить, поэтому просто брал то, что набирали остальные.

Вернувшись, он припарковал машину, вытащил из багажника множество пакетов и только

тогда понял, что накопил слишком много. Когда Цзян Юй увидел зажатые в его руках обертки для пельменей, одна сторона его губ взлетела вверх:

— Ты умеешь лепить пельмени?

Сюй Имин покачал головой: он умел только есть их, с пекинской капустой.

— Тогда какого черта ты их купил? — Цзян Юй подошел поближе, заглядывая в пакеты. Набралось немало.

Видел, как берут другие, вот и взял, — но вслух он этого не произнес. Интуиция подсказывала: если парень узнает, то его ждет беспощадная насмешка.

Цзян Юй в упор посмотрел на него, потом отвел взгляд, слегка подергивая уголком рта:

— Мясо для фарша купил?

— Есть. — Сюй Имин принялся шарить по пакетам на столе и извлек оттуда кусок свиной грудинки целиком, на котором еще торчало несколько волосков.

В висках запульсировало. Взбешенный Цзян Юй взмахнул рукой:

— Исчезни с моих глаз.

Об исчезновении не могло быть и речи. Сюй Имин выудил из пакета кочан пекинской капусты и, с очаровательной улыбкой изрек:

— Мы будем лепить пельмени.

Лепить черта с два! Головная боль заставила Цзян Юя зашагать взад-вперед по комнате, после чего с мрачным лицом он отправился на кухню рубить мяса. Грохот стоял такой, что у Сюй Имина затылок покрылся мурашками.

— Вымой капусту и мелко покроши, — бросил Цзян Юй, перехватывая тесак поудобнее и продолжая кромсать мясо.

Сюй Имин закатал рукава, зажав кочан капусты под краном, как вдруг услышал насмешку над ухом:

— Ты ее не разломав собрался мыть?

Бросив косой взгляд на профиль парня, Сюй Имин смахнул со щеки брызнувшую мясную крошку:

— Дети в твоём возрасте не бывают такими вредными.

— Я же говорил, что я младше тебя всего на четыре года. — Сделав вид, что насторожился, Цзян Юй лукаво улыбнулся. — Подойди, я тебя поцелую.

Сюй Имин подался вперед, опуская голову. Ощувив мягкость губ, он некоторое время прихватывал и посасывал их, прежде чем отпустить.

Процесс приготовления начинки оказался быстрым, специй добавил понемногу. Цзян Юй в последний раз лепил пельмени в раннем детстве и почти всё позабыл: он кое-как сляпил тесто, соединив края, а Сюй Имин перехватил заготовку, пытаясь сделать узор симметричнее.

На эту возню у них ушло все утро. Уставшие, они рухнули на диван и проспали до самого вечера, даже не пообедав, а проснувшись, принялись наклеивать парные надписи на двери — для Сюй Имина это тоже был внове.

Вечерние пельмени удались на славу лишь отчасти: многие разварились, и в кастрюле плавало сплошное месиво. Цзян Юй и Сюй Имин съели по десятку с лишним штук из пиал, особого вкуса не распробовали, но опустошили всё до конца.

Мытье посуды совпало с началом новогоднего концерта. Цзян Юй подошел к кухне сзади, обнял Сюй Имина за талию и протянул раскрытую ладонь:

— Давай красный конверт.

Сюй Имин, стоявший у раковины с тарелкой в руках, обернулся и посмотрел на Цзян Юя так, словно тот спросил, существует ли на свете Дед Мороз.

Цзян Юй молча усмехнулся, глядя на него с насмешливым вызовом.

Оставив посуду, Сюй Имин молча поднялся наверх, а вернувшись, принес пачку новеньких красных купюр и праздничную красную шапочку — он видел такую у других и купил, решив, что пареньку дома она будет к лицу.

Водрузив шапку на макушку Цзян Юю, который едва доставал ему до подбородка, Сюй Имин протянул пачку купюр, а в его глазах мелькнула нежность:

— С Новым годом.

— С Новым годом. — Цзян Юй вытащил оттуда несколько банкнот и засунул ему за воротник, лукаво улыбаясь.

Жесткие бумажные купюры скользнули по груди, вызвав легкое щекочущее ощущение. Взгляд

Сюй Имина потемнел: подхватив на руки упоенно смеющегося паренька, он швырнул его на диван и набросился прямо под звуки транслируемого по телевизору новогоднего концерта.

С одежды слетели пуговицы, купюры веером разлетелись по полу. Цзян Юй лежал на ковре из банкнот, прищурившись разглядывая нависшего над ним мужчину, и, кажется, тихонько улыбался.

<http://bllate.org/book/25413/3029638>